

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.266.279>

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ БЕРЁЗОВОГРИВСКОГО I ПОСЕЛЕНИЯ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

©2023 г. А.В. Шипилов

В статье анализируются материалы одного из многослойных поселенческих памятников эпохи первобытности, расположенного в Нижнем Прикамье – Берёзовогривского I поселения. В материалах поселения прослеживается несколько этапов его функционирования. Наиболее ранний этап относится к позднему неолиту. Керамический комплекс раннего этапа по своим формально-типологическим признакам относится к камской неолитической культуре. В эпоху позднего энеолита площадку поселения осваивают носители гаринской культуры. Функционирование стоянки в эпоху поздней бронзы было связано с носителями керамики срубной, луговской культур, а также керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры. Финал функционирования Берёзовогривского I поселения, вероятно, следует связывать с присутствием в Нижнем Прикамье населения ананьинской КИО. Таким образом, функционирование Берёзовогривского I поселения, вероятно с некоторыми перерывами, происходило с середины V – до I тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, Нижнее Прикамье, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, камская культура, гаринская культура, срубная культура, луговская культура, маклашеевская культура, ананьинская КИО, керамика, венчик.

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE BERYOZOVAYA GRIVA I SETTLEMENT IN THE LOWER KAMA REGION

A.V. Shipilov

The article analyzes the materials of one of the multilayer settlement monuments of the Primeval period, located in the Lower Kama region – Beryozovaya Griva I settlement. The materials of the settlement trace back several stages of its functioning. The earliest stage belongs to the Late Neolithic. The ceramic complex of the early stage by its formal-typological features belongs to the Kama Neolithic culture. In the Late Chalcolithic the site was developed by the bearers of Garin culture. The functioning of the site in the Late Bronze Age was associated with the bearers of Srubnaya and Lugovoy cultures ceramics, as well as ceramics of the Atabayev stage of the Maklasheyevka culture. The final functioning of the Beryozovaya Griva I settlement should probably be associated with the presence of the population of the Ananyino cultural and historical areal in the Lower Kama region. Thus, the functioning of the Beryozovaya Griva I settlement, probably with some interruptions, continued from the middle of the V millennium BC up to the I millennium BC.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Kama culture, Garin culture, Srubnaya culture, Lugovoy culture, Maklasheyevka culture, Ananyino CHA, ceramics, rim.

Район Нижнего Прикамья является одним из важнейших для изучения форм и механизмов взаимодействия различных групп населения на протяжении эпохи первобытности. Рассмотрение этих взаимодействий актуально для эпох неолита, палеометалла и раннего железного века. В этой связи появляется необходимость в анализе материалов конкретных памятников. Одним из таких памятников является Берёзовогривское I поселение.

Поселение располагается на левом берегу Камы, в 3,2 км к северо-западу от посёлка городского типа Алексеевское (рис. 1). Памят-

ник приурочен к останцу террасы, который ныне является островом в левобережье Куйбышевского водохранилища. Поселение было открыто П.Н. Старостиным в 1965 г. (Археологическая карта..., 1986). В дальнейшем памятник неоднократно обследовался Р.С. Габяшевым, начиная с 1973 года. В результате проведённых исследований на памятнике был выявлен культурный слой мощностью 40 см, а также был получен выразительный массив находок, судя по которому можно говорить о нескольких этапах заселения площадки поселения.

Рис. 1. Берёзовогривское I поселение: расположение памятника на карте.

Fig. 1. Beryozovaya Griva I settlement: location of the site on the map.

Первый этап заселения рассматриваемой территории представлен материальными остатками камской культуры эпохи неолита. Среди находок данного культурного образования в коллекции присутствует 73 фрагмента от 27 сосудов. В формовочной массе сосудов наблюдается примесь песка и шамота (рис. 2).

Орнаментация присутствовала преимущественно по всей внешней поверхности сосудов. В коллекции Берёзовогривского I поселения имеется лишь один венчик без орнамента (рис. 2: 2). При нанесении орнамента на сосуды в основном применялись следующие виды гребенчатых штампов: длинный косозубый (рис. 2: 11, 12, 16), короткий овальный (рис. 2: 6-10), а так же линзовидный мелкозубчатый короткий (рис. 2: 1, 5, 6, 8, 13). Реже использовался мелкозубый гребенчатый штамп средней длины (рис. 2: 4).

Орнаментальные композиции включают в себя пояса из оттисков гребенчатых штампов, расположенных вертикально (рис. 2: 5, 6, 14, 16) и под наклоном (рис. 2: 1, 4, 7, 8, 11-13). Помимо этого присутствует мотив вертикального (рис. 2: 10) и горизонтального (рис. 2:

6, 8, 12, 16) зигзага. Среди орнаментальных мотивов керамики камской культуры Берёзовогривского I поселения в единичных случаях отмечены мотивы флажка (рис. 2: 5) и шагающей гребёнки (рис. 2: 15). Следует отметить, что на некоторых фрагментах в качестве разделителей орнаментальных зон выступали пояса из круглых ямочных вдавлений (рис. 2: 9, 14).

Вышеперечисленные особенности керамики камской культуры Берёзовогривского I поселения находят ближайшие аналогии в материалах Балахчинской VIa, Кузькинской XVII и Игимской стоянок, расположенных также в Нижнем Прикамье (Шипилов, 2019, рис. 2; Шипилов, 2021, рис. 4-28; Выборнов, Шипилов, 2019, рис. 3-5).

При рассмотрении посуды камской культуры Берёзовогривского I поселения представляется важным отметить локальные особенности керамики камской культуры, отличающиеся от средне- и верхнекамских керамических комплексов данной культуры. К таковым особенностям относятся: более тонкостенная керамика, большая доля прямо-

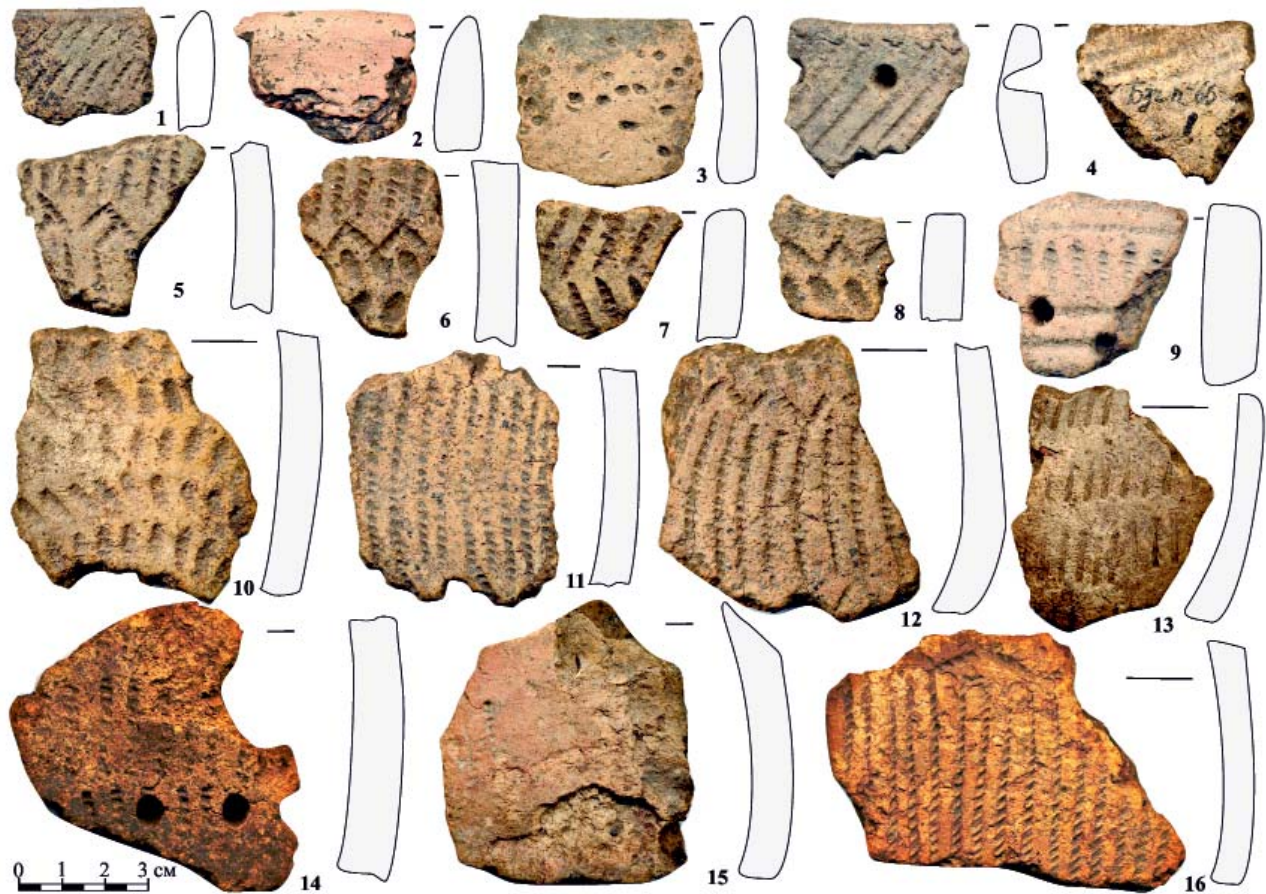

Рис. 2. Берёзовогривское I поселение: керамика камской культуры.

Fig. 2. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Kama culture.

стенных сосудов, небольшой процент напыльвов на венчиках, минимальное распространение шагающей гребенки, незначительное количество композиций. Все это указывает на локальные особенности керамического комплекса камской культуры на территории Нижнего Прикамья. Необходимо обратить особое внимание на такую черту как горизонтальный пояс ямочных вдавлений на стенках сосудов. Для неолитической керамики Верхней и Средней Камы это не характерно.

Принимая во внимание сходство керамического комплекса камской культуры Берёзовогривского I поселения с неолитическими керамическими материалами Балахчинской VIa, стоянки представляется правомерным принять во внимание хронологические данные по керамике VIa Балахчинской стоянки. Так, по этой керамике была получена радиоуглеродная дата 5880 ± 100 (Spb-897) лет ВР (5000 – 4500 лет ВС). Учитывая, что развитой этап камской культуры датируется периодом 6000–5600 лет ВР, а поздний – 5500–5300

лет ВР, то верхний предел калиброванного значения даты балахчинской керамики вполне приемлем для отнесения данного комплекса ко времени перехода от развитого к позднему этапу камской культуры (Выборнов, Шипилов, 2019, с. 56). Вероятно, в эти же хронологические рамки занимает керамический комплекс камской культуры, обнаруженный на Берёзовогривском I поселении.

Более поздние хронологические позиции занимает комплекс керамики гаринской культуры Берёзовогривского I поселения. Он включает в себя 48 фрагментов керамики от 10 сосудов (рис. 3). Сосуды, судя по этим фрагментам, имели баночную профилировку. В формовочной массе керамики гаринской культуры присутствует примесь толчёной раковины. При орнаментации сосудов носители гаринской культуры использовали преимущественно короткие овальные гребенчатые штампы, располагая их вертикально или под наклоном. Орнаментация наносилась как по внешней стороне (рис. 3), так и в ряде случа-

Рис. 3. Берёзовогривское I поселение: керамика гаринской культуры.

Fig. 3. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Garin culture.

ев по внутренней стороне посуды (рис. 3: 10). На срезах венчиков также наблюдается орнамент (рис. 3: 7–9). Среди орнаментальных композиций преобладают пояса из оттисков короткого овального штампа, расположенного вертикально (рис. 3: 4, 6, 10) или под наклоном (рис. 3: 1–3, 5, 7, 8, 10). В единичном экземпляре присутствует венчик сосуда, на котором оттиски короткого овального штампа расположены горизонтально (рис. 3: 9). В единичном экземпляре в коллекции присутствует также фрагмент гаринского сосуда, на котором присутствует мотив горизонтального зигзага, выполненный также коротким овальным гребенчатым штампом (рис. 3: 1).

Широкие аналогии керамике гаринской культуры Берёзовогривском I поселения прослеживаются в материалах поселенческих памятников гаринской культуры, расположенных в Среднем Прикамье, таких как поселения Выстилишна, Бор I, Бор V, Боровое озеро VI (Бадер, 1961, рис. 27: 1, 5, 6; 29: 5; 42: 4, 5; 51: 10; 53; 55: 3; 54; 71: 3; 72: 2, 5).

В хронологическом отношении комплекс

гаринской керамики Берёзовогривского I поселения датируется в пределах середины III – начала II тыс. до н.э. (Мельничук, Шипилов, 2021, с. 207).

Наиболее ранний комплекс эпохи бронзы, обнаруженный на Берёзовогривском I поселении, относится к срубной КИО. В коллекции присутствует 16 фрагментов, имеющие принадлежность к 10 сосудам.

Керамика срубной КИО Берёзовогривского I поселения (рис. 4) орнаментировалась преимущественно крупнозубчатыми гребенчатыми штампами различной длины (рис. 4: 1–9). В одном случае при орнаментации сосуда использовался линзовидный гладкий штамп (рис. 4: 10). Эта керамика имеет обширные аналогии. Наибольшее сходство прослеживается с керамикой, найденной на Набережно-Челнинском могильнике (Казаков, 1972, рис. 2), а также в материалах Дубовогривской II стоянки (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис 4: 3, 4, 6, 7, 21, 23, 25, 27, 28, 31; 5: 3, 5, 10, 18).

Датировку срубной керамики Берёзовогрив-

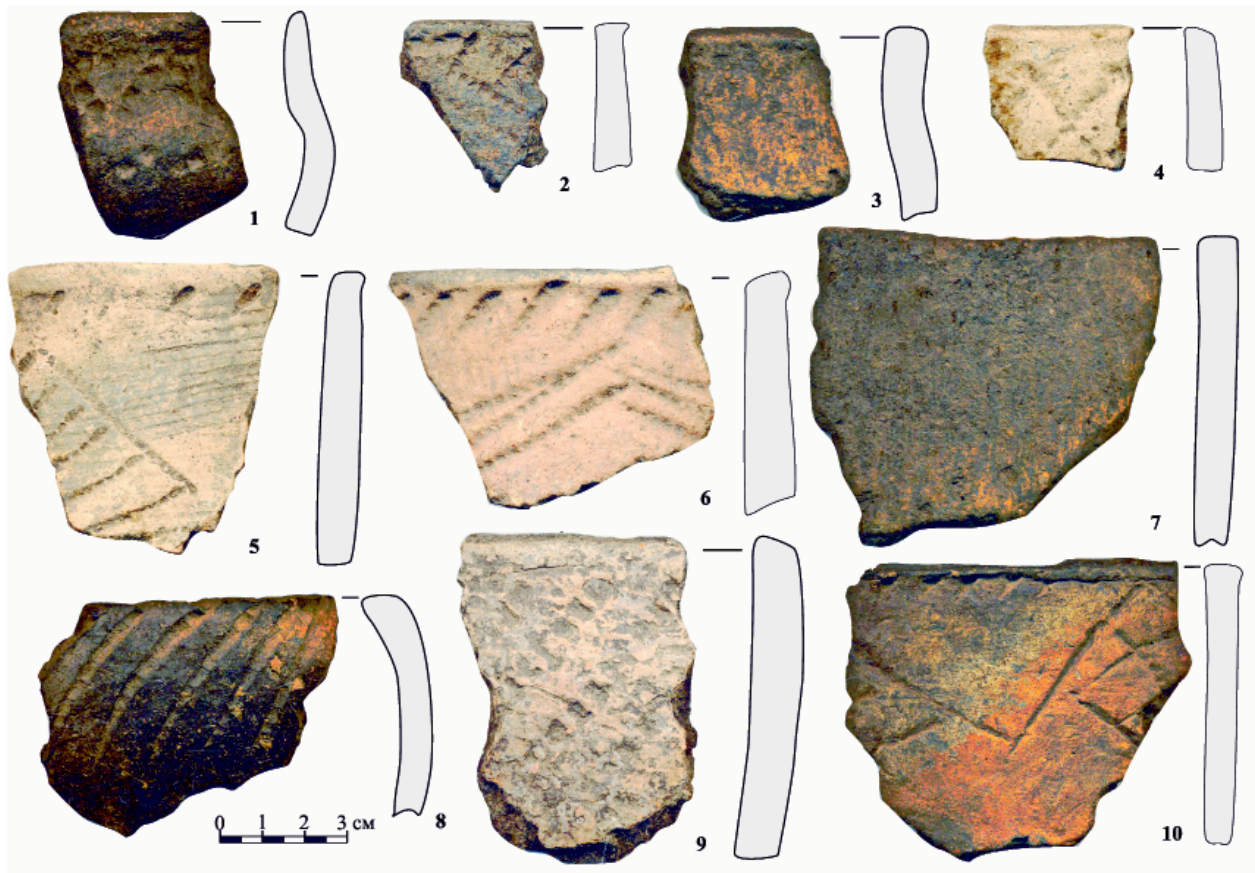

Рис. 4. Берёзовогривское I поселение: керамика срубной культуры.
 Fig. 4. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Srubnaya culture.

ского I поселения вероятно следует помещать в хронологические рамки существования срубной культурно-исторической общности XVII–XV вв. до н.э. (Купцова, Лыганов, 2021, с. 377–379).

Следующий этап функционирования поселения маркирует керамика луговской культуры с хорошо заглаженной поверхностью (рис. 5, 6). Основными примесями в глиняном тесте луговской керамики была раковина и органика. На внешней поверхности присутствует орнаментация. Орнамент наносился, как правило, оттисками сплошного штампа, реже гладкого и разреженного штампов. Орнаментация представлена простыми композициями, такими как горизонтальный (рис. 6: 4) и вертикальный (рис. 5: 3) зигзаг, косая решётка (рис. 5: 4, 5), наклонные (рис. 5: 3) и горизонтальные линии (рис. 5: 1–3; 6: 1). В массиве керамики луговской культуры присутствует также мотив заштрихованного ромба и треугольника (рис. 5: 2).

Судя по венчикам (рис. 5: 2–5; 6), сосуды имели горшковидную профилировку. Аналогии ей прослеживаются в материалах посе-

ленческих памятников луговской культуры Нижнего Прикамья: Каентубинской островной стоянки (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2010, рис. 5: 2, 7), Рысовского III поселения (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 5: 1, 4), Дубовогривской II стоянки (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 6: 8, 10), Луговской I стоянки (Збруева, 1960, рис. 4, 5).

В настоящее время луговская культура датируется XVII – XV вв. до н.э. (Лыганов, 2021, с. 545). Исходя из этого, вероятно в эти же хронологические рамки следует помещать керамический комплекс луговской культуры Берёзовогривского I поселения.

Возможно, на рассматриваемом поселении позиции, частично синхронные с луговской керамикой, занимает керамический комплекс атабаевского этапа маклашевской культуры. Атабаевская керамика – пористая, с примесью раковины в формовочной массе (рис. 7). Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5 – 0,7 см. В орнаментации керамики данной группы преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются

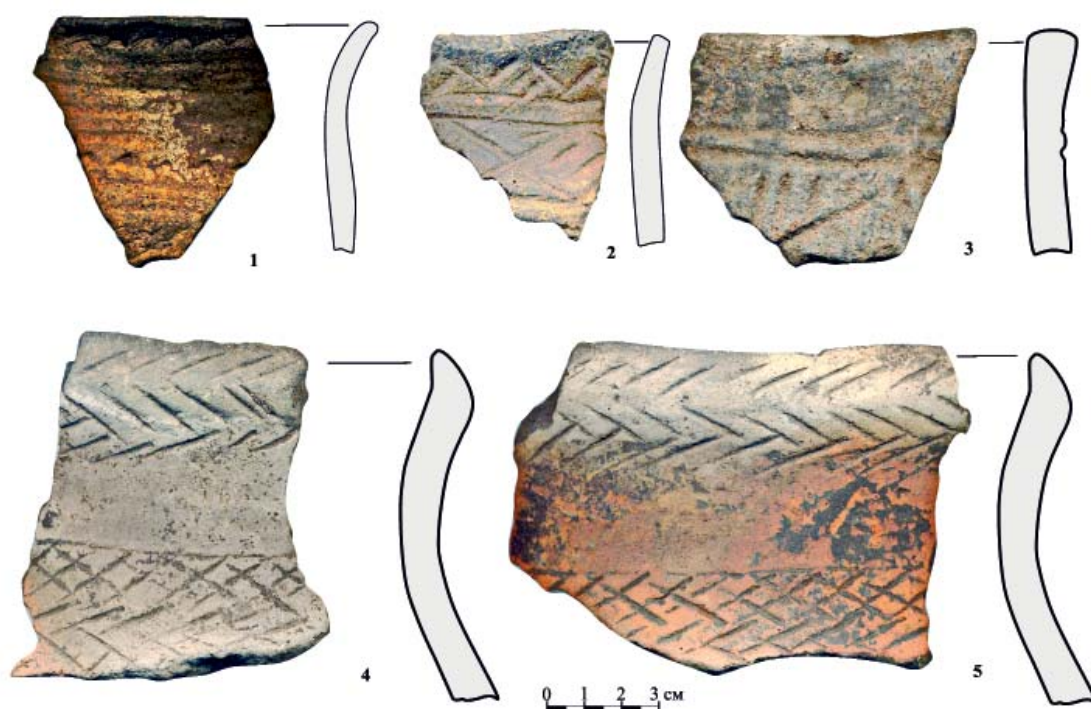

Рис. 5. Берёзовогривское I поселение: керамика луговской культуры.

Fig. 5. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Lugovoy culture.

горизонтальные линии (рис. 7: 4, 6, 7, 9) и зигзаг (рис. 7: 2, 4), а также пояски ямок (рис. 7: 4, 5, 6) и овальных вдавлений (рис. 7: 2). В орнаментации присутствуют также пояса из оттисков гребенчатого или гладкого штампа, расположенного вертикально (рис. 7: 8) или под наклоном (рис. 7: 6–9). Единично встречается мотив косой решётки (рис. 7: 6) и плетёнки (рис. 7: 3).

При рассмотрении находок атабаевского этапа маклашеевской культуры нельзя обойти вниманием керамическое пряслице (рис. 7: 10). Оно сохранилось фрагментарно, но с большей долей вероятности обладало округлой формой. По всей поверхности изделия присутствует орнаментация в виде коротких насечек.

Аналогии керамике атабаевского этапа маклашеевской культуры, обнаруженной на Берёзовогривском I поселении, прослеживаются в материалах Дубовогривской II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 6: 15, 18, 19), Курманаковской IV (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, с. 629), Игимской (Шипилов, 2017, рис. 9) стоянок, а также среди находок Каентубинской островной стоянки (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, рис. 6; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 5: 24, 27; 8: 1, 2, 4, 7, 8, 13, 15).

Общая дата атабаевского этапа маклашеевской культуры относится к рубежу XIV–XIII вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021, рис. 3: 7). Вероятно в этих же рамках датируется керамика, обнаруженная на Берёзовогривском I поселении.

Заключительный этап функционирования поселения приходится на ранний железный век и связан с ананьинской КИО. В керамической коллекции раннего железного века присутствуют две группы керамики – керамика раннего этапа (2 фрагмента) (рис. 8: 1) и позднего заключительного этапа (рис. 8: 2–6) (10 фрагментов) ананьинской КИО.

Керамику раннего этапа (рис. 8: 1) отличает более плотная текстура формовочной массы, богатство орнаментации. Аналогии данной керамике прослеживаются в материалах Маклашеевского II городища (Чижевский, Волкова, 2021, рис. 4: 25). В хронологическом отношении данная керамика датируется IX – серединой VIII в. до н.э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180, 181).

В отличие от ранней, керамика позднего облика ананьинской КИО Берёзовогривского I поселения характеризуется более рыхлой пористой текстурой формовочной массы и более скромной (или бедной) орнаментацией (рис. 8: 2–6). В хронологическом отношении

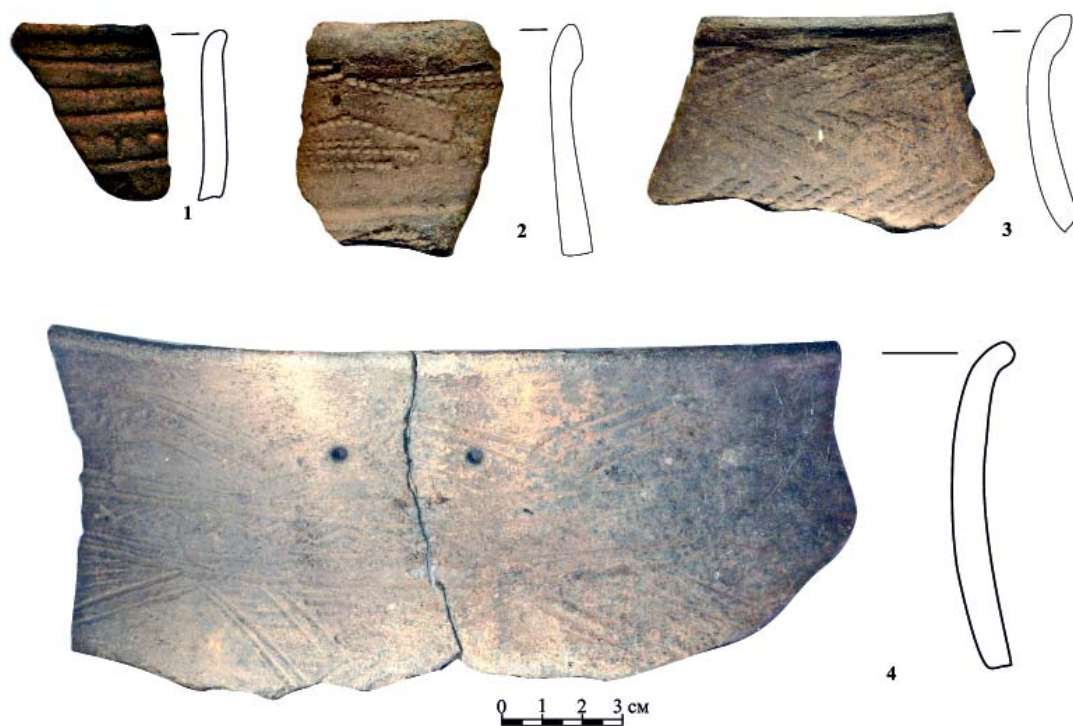

Рис. 6. Берёзовогривское I поселение: керамика луговской культуры.
 Fig. 6. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Lugovoy culture.

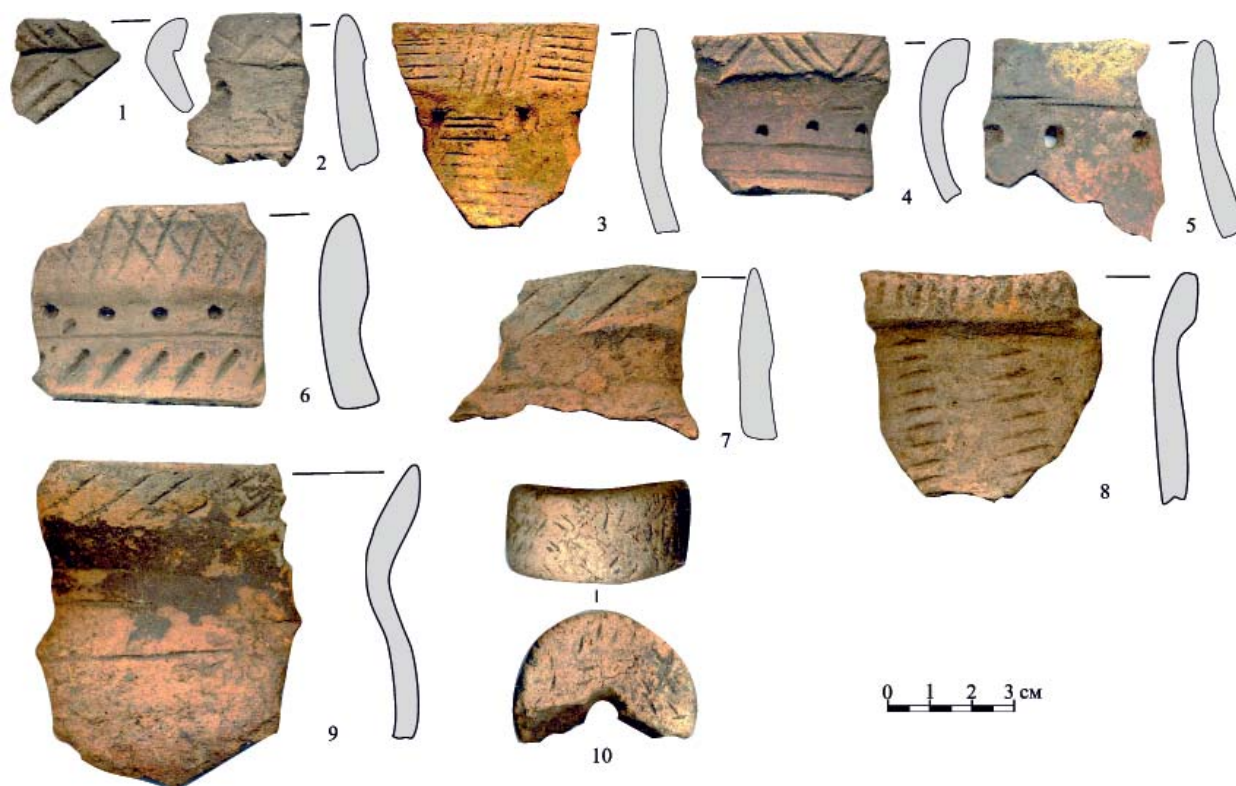

Рис. 7. Берёзовогривское I поселение: керамика атабаевского этапа маклашевской культуры.
 Fig. 7. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of the Atabaevo stage of Maklasheevka culture.

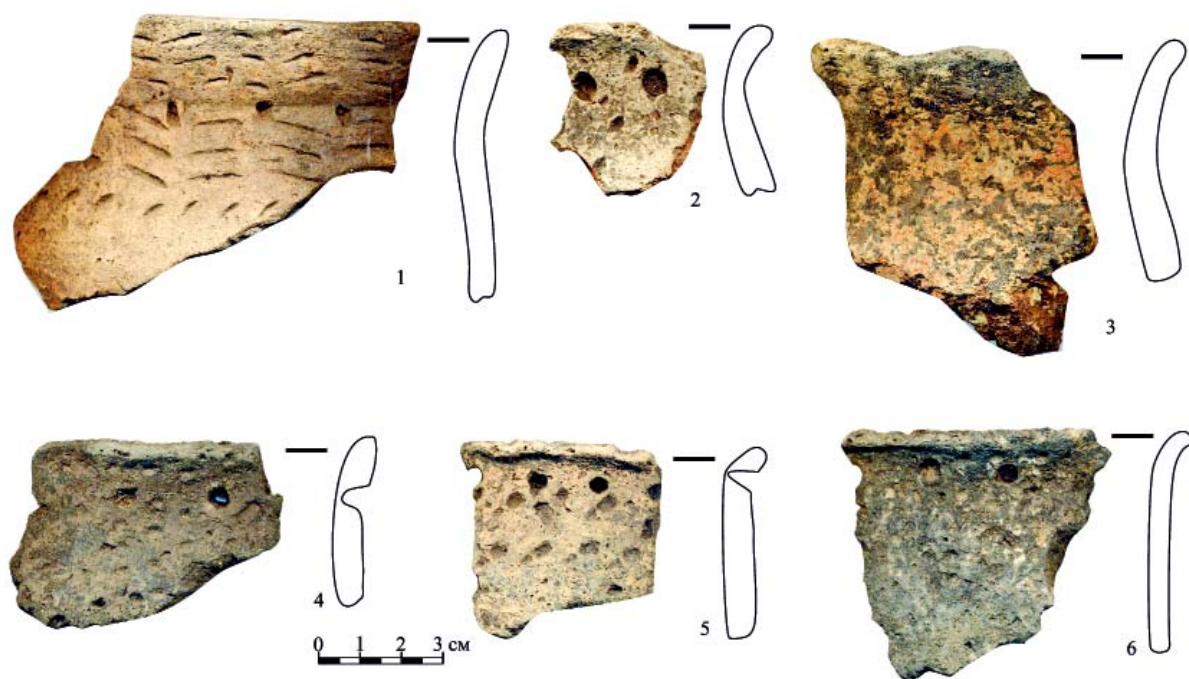

Рис. 8. Берёзовогривское I поселение: керамика ананьинской КИО.

Fig. 8. Beryozovaya Griva I settlement: ceramics of Ananyino cultural and historical areal.

эта керамика занимает рамки в пределах середины V – III вв. до н.э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 182, 183).

Принимая во внимание, что в коллекции рассматриваемого поселения присутствует ранняя и поздняя керамика ананьинской КИО, с известной долей осторожности следует предположить, что Берёзовогривское I поселение функционировало на протяжении всего времени существования ананьинской КИО. Датировку данного этапа функционирования поселения, вероятно, следует помещать в хронологические рамки IX – III вв. до н.э. (Чижевский, Волкова, 2021, с. 180–183).

В ходе археологических изысканий на Берёзовогривском I поселении был получен выразительный массив находок (258 экз.) из камня. В коллекции преобладают отщепы (67 экз.), сколы (20 экз.), ножевидные пластины (62 экз.), на некоторых из них присутствует фрагментированная ретушь (35 экз.). В изготовлении орудий преимущественно применялся кремнь белого и серого цвета. Орудия из кремня обладают устойчивыми формами. К таковым, в первую очередь, следует отнести орудия охоты (рис. 9). Они представлены наконечниками стрел (28 экз.) (рис. 9: 1–19, 21, 22) и тремя наконечниками дротиков (рис. 9: 23–25). Наконечники дротиков от наконечников стрел отличаются более

крупными размерами. Отдельные орудия изготовлены из двухцветного кремня. Среди наконечников преобладают орудия листовидной формой (рис. 9: 8–20, 23–25). Им количественно уступают треугольные наконечники с усечённым основанием (рис. 9: 1, 2, 6, 7), подромбические (рис. 9: 21, 22) и двушипно-черешковые наконечники (рис. 9: 3–5). На листовидных наконечниках присутствует двухсторонняя обработка. Они оформлены плоскостной отжимной ретушью. Их длина при ширине пера от 1,5 см преимущественно варьирует от 4 до 6 см. В наборе листовидных наконечников присутствует три экземпляра, которые следует отнести к категории дротиков (рис. 9: 23–25). Их длина варьирует от 6,5 см до 12 см при ширине пера от 2 до 3 см. Среди листовидных наконечников стрел присутствует два экземпляра, на которых прослеживается намеченный черешок (рис. 9: 14, 15). Близкие по облику наконечники, имеющие принадлежность к гаринской культуре, обнаружены на поселении Бор I (Мельничук, Шипилов, 2021, рис. 7; 4).

Наиболее близкие аналогии листовидным наконечникам прослеживаются в каменном инвентаре поселенческих и погребальных памятников эпохи энеолита и Нижнего Прикамья (Никитин, 1991, рис. 20; Никитин, 2017; Шипилов, 2021, рис. 35). К таковым памятни-

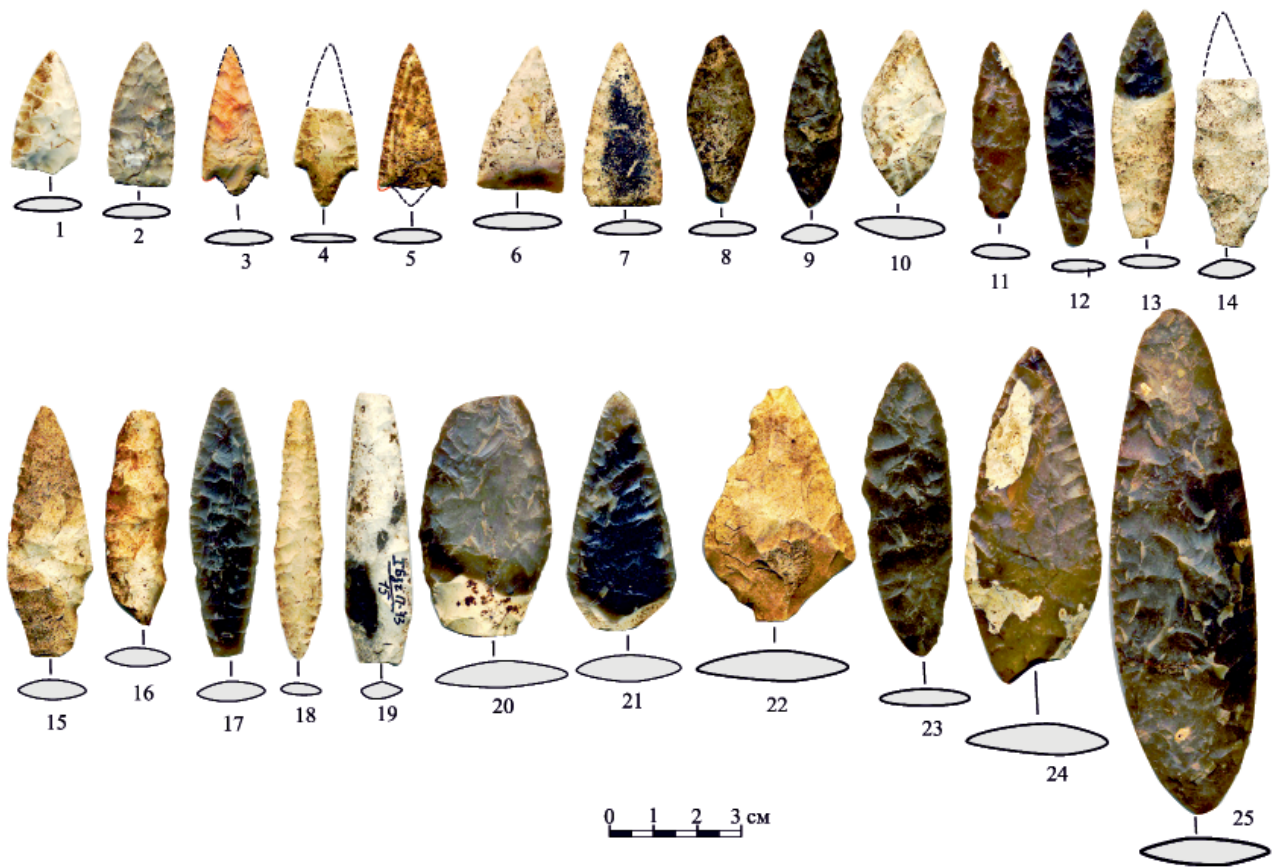

Рис. 9. Каменный инвентарь Берёзовогривского I поселения.
 Fig. 9. Stone inventory from Beryozovaya Griva I settlement.

кам относятся: поселение Барские Кужеры III (Никитин, 1991, рис. 20: 6), стоянки Золотая Падь II, Каентубинская островная и Дубово-гривская II (Шипилов, 2021, рис. 35), а также Тенишевский (Габяшев, Беговатов, 1984, рис 5: 8; Габяшев, 1992, рис 3: 8) и Мурзихинский II (Чижевский, 2008, рис. 2: 14) могильники.

Не меньшего внимания заслуживают наконечники подромбической формы (рис. 9: 21, 22). Обнаруженные аналогии также позволяют соотнести их с эпохой энеолита. Один из таких наконечников (рис. 9: 22) обнаруживает сходство с наконечниками Тенишевского могильника (Габяшев, 1992, рис.4: 2). Наконечники аналогичной формы присутствуют также в каменном инвентаре поселенческих памятников гаринской культуры (Мельничук, Шипилов, 2021, рис. 7: 4).

Наконечники подтреугольной (рис. 9: 1, 2, 6, 8) формы, вероятно, относятся к срубной КИО, аналогичные орудия присутствовали на поселенческих памятниках срубной КИО на территории Западного Закамья (Купцова, Лыганов, 2021, рис. 9: 5, 8).

Возможно, результатом культурных контактов населения Берёзовогривского I поселения в эпоху бронзы стало обнаружение на памятнике двушипно-черешковых наконечников стрел, получивших распространение в среде носителей чирковской культуры (рис. 9: 3–5).

Режущие орудия представлены ножами, которые изготовлены преимущественно на пластинах (рис. 11: 9, 10; 11; 12: 1–9). Они располагают одним или двумя рабочими краями, подправленными односторонней ретушью по краю.

Вышеописанные формы режущих орудий получили широкое распространение, они весьма хорошо представлены на поселенческих памятниках эпохи неолита Волго-Камского региона (Габяшев, 2003; Выборнов, 2008; Никитин, 2020).

В рассматриваемой группе режущих орудий примечателен нож саблевидной формы (рис. 11: 11). Весьма вероятно, что данная находка относится к эпохе энеолита. Аналогии ему прослеживаются среди орудий, обнаруженных на Русско-Азиебейской III и Игимской

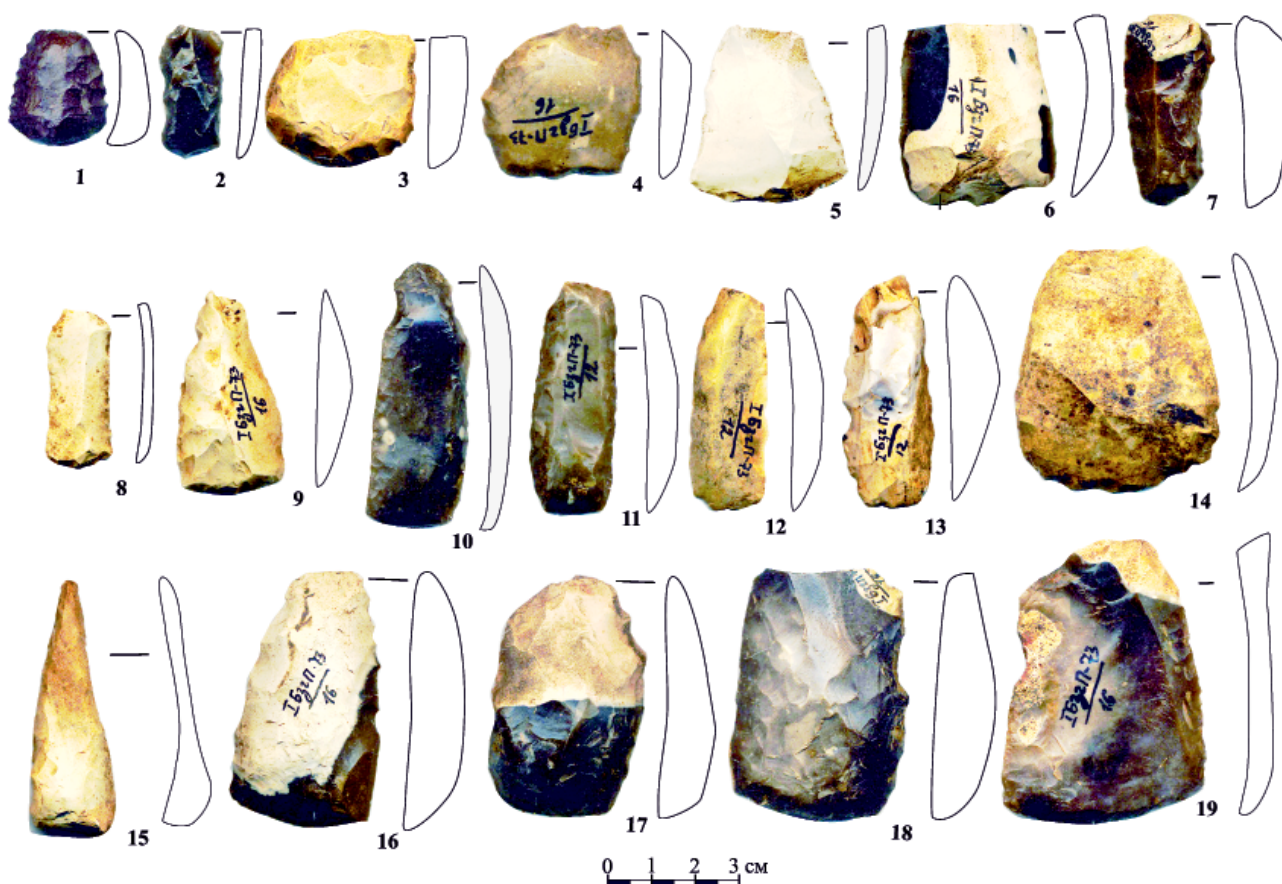

Рис. 10. Каменный инвентарь Берёзовогривского I поселения.

Fig. 10. Stone inventory from Beryozovaya Griva I settlement.

(Мельничук, Шипилов, 2021, рис. 7: 24; 8: 9) стоянках, где в культурных горизонтах отмеченных поселенческих памятников они связаны с материальными остатками гаринской культуры. В пользу принадлежности к гаринской культуре может говорить аналогичная находка, обнаруженная на Астраханцевском поселении, которое также относится к гаринской культуре (Шорин, 1999, рис. 35: 14).

К категории режущих орудий следует также отнести три резчика (рис. 12: 1–3), изготовленных на массивных пластинах. Аналогичные орудия были обнаружены при исследовании Русско-Азиевской I стоянки (Габяшев, 1978, рис. 9: 34).

В группе режущих орудий Берёзовогривского I поселения присутствуют также два ножа, изготовленных на кремневых плитках (рис. 12: 10, 11).

Наиболее многочисленная категория орудий представлена скребками (19 экз.) подрапещевидной (рис. 10: 1, 5, 7, 9, 13, 14, 16, 19; 10: 5), подпрямоугольной (рис. 10: 2–4, 6, 8, 10–12, 18) и овальной (9: 17) формы. Скребки (20 экз.) изготовлены на пластинах (рис.

10: 2, 7, 8, 10–12) и отщепях (рис. 10: 1, 3–6, 9, 13, 16–19; 10: 5). Все орудия данной категории относятся к типу концевых скребков. Помимо рабочего лезвия в ряде случаев ретушь была нанесена и на продольные стороны скребков (рис. 10: 1, 2, 7–11). В коллекции скребков один из экземпляров изготовлен из серого кварцита (рис. 11: 5), подавляющее же количество скребков было изготовлено из кремня белого и тёмно-серого цвета.

Следует отметить, что вышеописанные кремневые орудия обладают широким кругом аналогий в материалах поселенческих памятников эпохи неолита Волго-Камского региона. С известной долей осторожности к эпохе энеолита можно отнести орудия, изготовленные из двухцветного кремня которые являются своего рода «визитной карточкой» на энеолитических памятниках Нижнего Прикамья.

К кремневым орудиям для обработки мягких материалов следует отнести две проколки. Одна из них изготовлена на ножевидной пластине (рис. 11: 4). Ее длина составила 4 см при ширине 1 см. Ближайшие аналогии данному орудю просле-

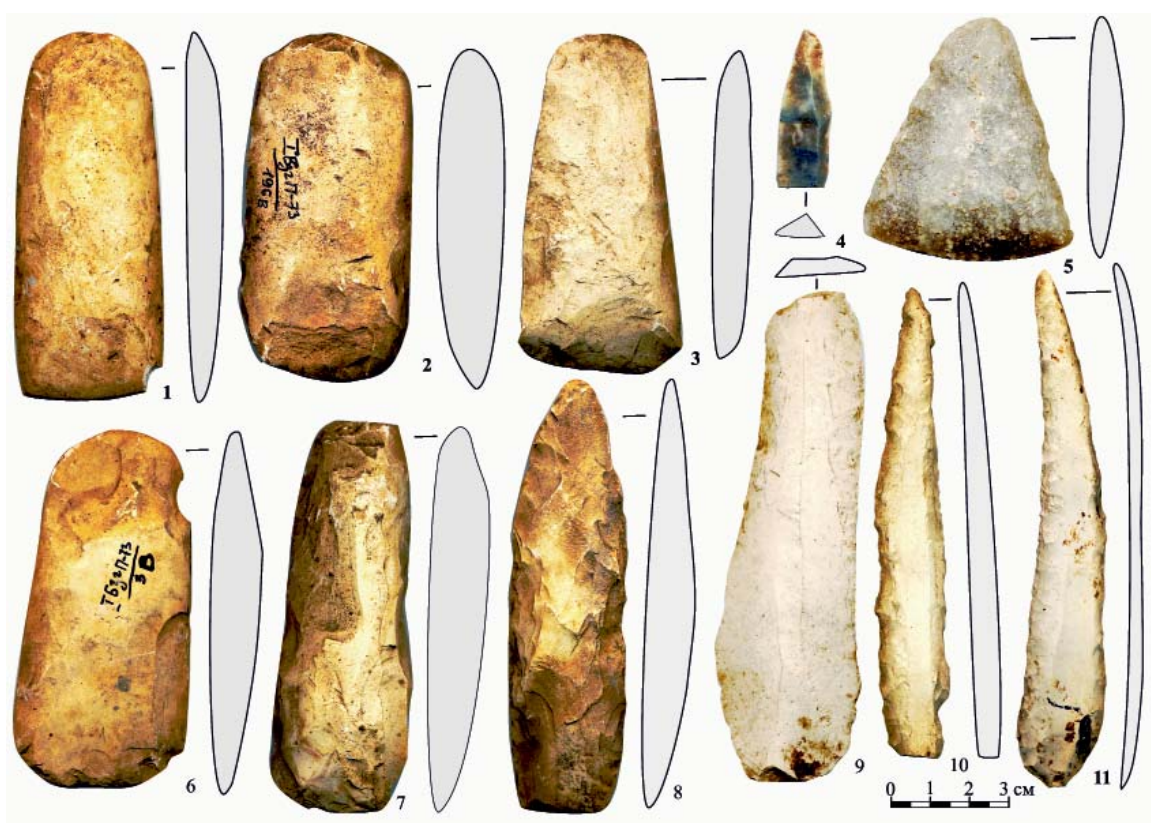

Рис. 11. Каменный инвентарь Берёзовогривского I поселения.

Fig. 11. Stone inventory from Beryozovaya Griva I settlement.

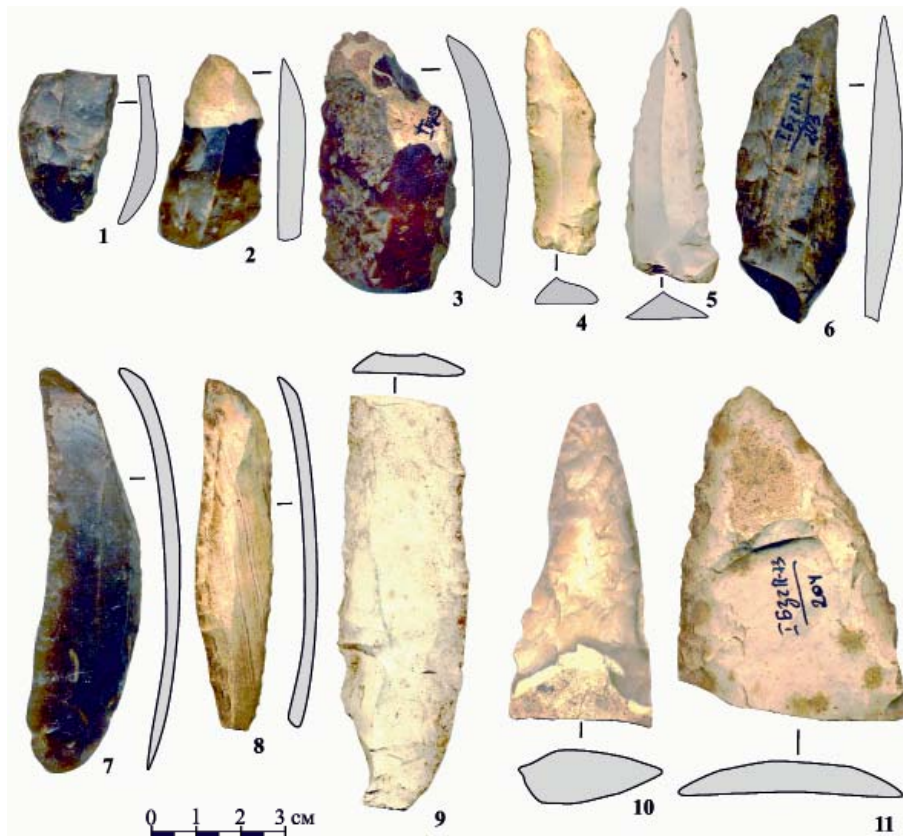

Рис. 12. Каменный инвентарь Берёзовогривского I поселения.

Fig. 12. Stone inventory from Beryozovaya Griva I settlement.

живаются в каменном инвентаре Тетюшской II стоянки, относящейся к камской неолитической культуре (Габяшев, 2003, рис. 44:2).

Вторая проколка изготовлена на бифасе (рис. 10: 15). Орудие по своей форме ассиметрично. Жало орудия оформлено плоскостной отжимной ретушью. Длина орудия составила 5,5 см, при его ширине 2 см составила.

Внушительную группу находок составляют каменные орудия для обработки дерева, к которой следует отнести тесла (рис. 11: 1–3, 6) и долота (рис. 11: 6, 7). Отдельные тёсла (10 экз.) и долота (5 экз.), сохранились фрагментарно. Данные орудия изготавливались преимущественно из белого кремня плохого качества. В отличие от тёсел, долота (рис. 11: 7, 8) обладают более узкой рабочей частью, в сечении они также клиновидные.

По своим формально типологическим особенностям тёсла и долота Берёзовогривского I поселения, как и скребки, находят широкий круг аналогий на поселенческих

памятниках камской культуры Нижнего Прикамья

Таким образом, в результате изучения материалов Берёзовогривского I поселения удалось установить, что оно пережило шесть этапов жизнедеятельности первобытных коллективов на своей территории. Ранний этап функционирования поселения связан с носителями камской неолитической культурой, а заключительный – с ананьинской КИО раннего железного века.

Рассмотрение материалов, такого многокомплексного памятника как Берёзовогривское I поселение, позволяет получить новую информацию об особенностях жизнедеятельности первобытных коллективов на конкретных территориях, определить локальные особенности материальной культуры ряда культурных образований Нижнего Прикамья в эпохи неолита, энеолита, бронзы и раннего железа, а также наметить характер культурных контактов первобытных коллективов на рассматриваемой территории.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.

Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред.: П.Н. Старостин. Казань ИЯЛИ, 1992. С. 31–46.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский («Сорокин бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 63–83.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1960. С. 10–95.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // Отчеты Нижнекамской экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 78–86.

Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдииков, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 368–394.

Лыганов А.В. Андронидные культуры Волго-Камья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдииков, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 522–547.

Мельничук А.Ф., Шитилов А.В. Гаринская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдииков, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 195–207.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начала II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Культура носителей керамики камского стиля в левобережье Марийско-Казанского Поволжья / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. XI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2020. 138 с.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследование памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 105–129.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Маклашеевская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 601–637.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований в 2005 году) // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 184–194.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 50–70.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В. Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии. Вып. 1 / Ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 23–53.

Шипилов А.В. Кузькинская VII стоянка (атрибуция и хронология) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 165–179.

Шипилов А.В. Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань: АН РТ, 2021. 358 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Turbino Type Settlements in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 31–46 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).

Gabiashev, R. S., Begovatov, E. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologii i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 63–83 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 80. Moscow: “Nauka” Publ., 10–95 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1972. In Bader, O. N. (ed.). *Otchety Nizhnekamskoi ekspeditsii (Reports of the Nizhnekamsk Expedition)* 1. Moscow: “Znanie” Publ., 78–86 (in Russian).

Kuptsova, L. V., Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 368–394 (in Russian).

Lyganov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 522–547. (in Russian).

Melnichuk, A. F., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 195–207 (in Russian).

Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysiacheletia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd – Early 2nd Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitin, V. V. 2020. *Kul'tura nositeley keramiki kamskogo stilya v levoberezh'e Mariysko-Kazanskogo Povolzh'ya (Culture of the bearers of Kama style ceramics in the left bank of the Mari–Kazan Volga region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) XI. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: “Nauka” Publ., 367–371 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 288–312 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 105–129 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Kuzminykh, S. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 601–637 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko, N. M. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 10. Tver: Tver State United Museum, 184–194 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko, N. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 50–70 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Shipilov, A. V. 2014. In Shatalov, V. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy rossiiskoi arkheologii (Current Issues of the Russian Archaeology)* 1. Kazan: Centre of Historical and Archaeological Researches, 23–53 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2019. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 165–179 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2021. *Eneolit Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ya (po materialam poselencheskikh pamyatnikov) (Eneolithic of the Ik-Belaya Interfluve (Based on Materials from Populated Settlement))*. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Chalcolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.